

ОГЛАВЛЕНИЕ

Выпуск первый	
Жить мёртвым	7
Выпуск второй	
Лицо без лица	28
Выпуск третий	
Гори, горюй	42
Выпуск четвёртый	
Принцесса	60
Выпуск пятый	
Нигилистический гуманизм	78
Выпуск шестой	
Кларк Кент	97
Выпуск седьмой	
Чёрные воды	127
Выпуск восьмой	
Дети не умеют жить	137
Выпуск девятый	
<i>Bon appétit</i> , ублюдки!	157
Выпуск десятый	
Эмпирические исследования	177
Выпуск одиннадцатый	
Ничто	193
Выпуск двенадцатый	
Тысяча рук	217

Выпуск тринадцатый	
Повторяющаяся история	237
Выпуск четырнадцатый	
Семейные ценности	271
Выпуск пятнадцатый	
Страна кошмаров	296
Выпуск шестнадцатый	
Невидимки	331
Выпуск семнадцатый	
Сто человек на сундук мудреца	358
Выпуск восемнадцатый	
Пень и бревно	381
Выпуск девятнадцатый	
Апейрофобия	399
Выпуск двадцатый	
Всё проходит, всё остаётся	441
Выпуск двадцать первый	
Ничего страшного	472
Выпуск двадцать второй	
Больно?	493
Выпуск двадцать третий	
Самые преданные зрители	517
Выпуск двадцать четвёртый	
Город четырнадцати дорог	549
Выпуск двадцать пятый	
Бесконечное сознание	587

Несвобода длится, только пока человек
наделяет воспринимаемые объекты реальностью.

Йога-Васиштха

Моя жизнь была полна страшных несчастий,
большинства из которых никогда не было.

Мишель Монтень

Дико извиняюсь, конечно, ребята, но я не сдох. Вот так досада, правда?

Это, если хотите, краткий пересказ всех выпусков предыдущего сезона. Дальше можно не смотреть. Вы не потеряете ровным счётом ничего, так что давайте, переключайте канал и продолжайте заниматься своими делами. Набивать кишки, гонять лысого, спрашивать у детишек, как прошёл день в школе, — или чем вы там, ублюдки, обычно развлекаетесь, хрен вас знает. Возражать не буду.

Самым стойким и преданным фанатам, вытерпевшим миллиард выпусков нашей тягомотины и оставшимся в добром здравии, — привет.

Те, кто смотрел прошлые серии, в курсе, чем кончилась моя затея. Всем остальным с прискорбием сообщаю: ничего не вышло. Меня скрутили охранники, выбили из рук нож, дали пинка под зад и вышвырнули обратно в светлое будущее, в смысле, на улицу, куда ж ещё? Кстати, получилось странно: я думал, они вызовут полицию или бригаду санитаров. Был готов к тому, что меня затолкают в машину скорой помощи,

врубят мигалки — потребуют объяснить, какого чёрта произошло, почему мне вдруг понадобилась смерть, да ещё и такая паршивая.

Тогда я сказал бы им:

— Рейтинги могли взлететь до небес. Каждый раз, когда кто-то подышает в прямом эфире, любое, даже самое унылое, реалити-шоу поднимается на первые места в топ-чарте.

И ещё:

— Ничто так не будоражит зрительский интерес, как чьи-то кишки, намотанные на люстру. Или расколотый надвое череп, из которого на кухонную плиту вытекают мозги. Это гениально простое, первобытно примитивное искусство наглядно демонстрирует потаённую суть человека, его подлинную глубину, и оттого оно ценится так высоко.

И ещё:

— Передавайте привет Майе, *filis de pute*¹.

Я столько раз прокручивал эту эффектную речь в уме, что, думаю, вышло бы впечатляюще. Вы, ребята, оценили бы. Но вот незадача: никто не захотел меня слушать. Возможно, все просто растерялись, чего уж там. Сценарий не предполагал, что я узнаю правду, пойму, что тут происходит на самом деле. Пока я жил в неведении, всё было зашибись. И мне хлеб, и вам зрелище — чётенько, как в методичке.

Ну ладно, с хлебом был напряг, но зрелище выходило каждый день, строго по расписанию,

¹ Сукины дети (фр.)

в двадцать один ноль-ноль. Тогда я ещё этого не знал, даже предположить не мог, что представляет собой моя нелепая жизнь.

Вам когда-нибудь казалось, что само ваше существование подозрительно похоже на дерьмово срежиссированное реалити-шоу? Если да, знайте: вы недалеко от правды. Извиняйте, ребятки, но замалчивать её я не стану. Кто сказал, что на пути к просветлению должно быть хорошо? Хорошо будет потом, а сейчас будет плохо.

Начнём, пожалуй, с главного, чего ходить вокруг да около. Кто там отвечает за монтаж, пустите картинку. Да нет, кретины, не эту, бродяга пришёл позже. Кстати, ребятки, помните его? Ну да, забудешь такое, ха-ха.

А, ну, собственно, вот. Наслаждайтесь. Можете ещё попкорна сходить навалить — или что вы там любите, — только слушайте закадровый голос.

Внимательно слушайте, мать вашу! Второй раз повторять не буду. Вы меня знаете, я никогда не отличался терпением.

И в тот злополучный день тоже. Вообще-то именно с этого места стоило начать рассказ, но вы же понимаете, если заведусь, потом хрен заткнёшь.

Так вот, день выдался крайне паршивым, из тех, про которые говорят: «Всё было ужасно, а потом стало ещё хуже». Или как-то иначе? Ладно, не суть. Я сидел на асфальте у входа в забегаловку, голодный и злой, как побитая псина.

А надо мной возвышалась старая вьетнамская сука и, размахивая руками, продолжала нести свою тарабарщину, не затыкаясь ни на секунду. Уверенная в том, что, если у меня разрез глаз точно такой же, как у неё, я обязан понимать каждое слово. Ага, разбежалась!

— Да ты, блядь, издеваешься, — пришлось перейти на французский, в прямом и переносном смысле. Исключительно для того, чтобы до неё быстрее дошло: мы разные, *merde*¹! Я, конечно, ненавидел этот язык, но знал его очень хорошо — почти так же, как родной. Спасибо мамаше, грезившей о Париже. Всякий раз, когда я приходил домой, она неизменно спрашивала:

— *Comment ça va, Rémy?*²

Ну, вы понимаете, какое у неё было чувство юмора, да? Она настолько удачно двинулась башкой, что дала мне, единственному сыну, французское имя. Видимо, для того, чтобы в течение следующих двадцати с лишним лет каждая собака спрашивала, как там погода в Ницце. Это ведь очень смешно, а главное — оригинально, обоссаться можно.

Словом, я продолжал материть старую вьетнамскую стерву на изысканном языке Флобера и Мопассана, а ей хоть бы хрен. Она визжала как резаная, ничуть не меняясь в лице. Мы даже не пытались сделать вид, что понимаем друг друга, хотя со стороны могли бы сойти за род-

¹ Чёрт побери! (фр.)

² Как дела, Реми? (фр.)

ственников, и я запоздало осознал смысл притчи про Вавилонскую башню. Прочувствовал печенью, что называется.

Мне стало очень плохо, к горлу подступила тошнота. Может, причиной тому был отвратительный запах прогорклого масла и специй, раздражавший ноздри и оседавший не в лёгких, а в желудке, но какая разница? Я с отчётливой ясностью ощутил, что люди похожи на молекулы, которые находятся в бесконечном хаотическом движении, бьются друг о друга и отскакивают, никогда не соприкасаясь по-настоящему. Не знаю, правильное ли это объяснение с точки зрения физики и всего такого, но тогда мне, измотанному и обессилевшему, пришло на ум именно оно. На пустой желудок я становлюсь крайне сентиментальным, вы меня знаете. А поскольку пуст он почти всегда, сентиментальности во мне столько, что ею можно осчастливить маленькую африканскую страну и пару индийских деревень в придачу.

Думаю, это хорошая вещь. С точки зрения гуманизма и всего такого. Нет, я не имею в виду, что люди должны голодать, дабы преисполниться благодати, блаженства и прочего бла-бла-бла. Но когда человек сыт — во всех, если угодно, смыслах, — он туп, глух и равнодушен, как последняя эгоистичная мразь.

О чём была речь, напомните? Ах да!

В общем, я почувствовал, что вот-вот потеряю сознание — от духоты, отчаяния и голода. Упаду и ударюсь головой об асфальт. В конце концов,

сколько я уже не ел? Неделю? Дней десять? Мне было тяжело ходить, думать, говорить. Напрасная болтовня наряду с жарой истощала силы. С каждым произнесённым словом из тела понемногу утекала жизнь. Я выдыхал её, ощущая, как она жжёт лёгкие и язык, горячая, словно кровь. Вместе с ней выходили злоба и раздражение, и в конце концов не осталось ничего — только отрешённое спокойствие мудреца в нирване. Или висельника в петле, что вероятнее.

— Мира тебе, пизда ты тупая, и гармонии с собой и со всем сущим, — из последних сил пробормотал я, не стараясь перекричать полоумную вьетнамку. Чего она хотела — понятия не имею. Может, пыталась меня прогнать, а может, поведать о бессмысленности жизни. Оба варианта казались одинаково правдоподобными.

Я знал, что на кухне у них полно объедков. И она могла бы по доброте душевной вынести мне лапшу или какой-нибудь бульон — сошло бы что угодно, я был неприхотлив и смирен, будто дитя. Но слово «милосердие», видимо, на вьетнамском звучало как «иди на хуй, шмара», поэтому мы немножко недопоняли друг друга.

Собрав волосы в хвост, чтобы подставить ветру взмокшую от пота шею, я закрыл глаза. Плевать, подумалось мне, делайте что хотите: соскребайте меня с асфальта, тащите на задний двор, кидайте в мусорный бак, но сам я никуда не уйду. Если такова судьба, сдохну прямо здесь под аккомпанемент вьетнамского мата.

Именно в этот момент из глубин головы раздался голос. Он сказал...

Да неправда, не он, а она. Голос был женский, но не принадлежал ни хозяйке забегаловки, ни моей *tatan*, ни одной из подружек. Я никогда не слышал его прежде, вернее будет сказать, что он мало походил на человеческий. У людей не бывает такого умиротворяющего спокойствия.

— *Ты живёшь в иллюзиях, котик.*

Я даже решил, что ослышался. Или, что вероятнее, меня настиг предсмертный диметилтриптаминовый бред. Ну, знаете, когда человек готовится отбросить копыта, его агонизирующий организм вырабатывает особое вещество, по действию чем-то похожее на ЛСД. И отсюда глюки, свет в конце тоннеля, хор ангелов и тому подобная фигня. Так говорила психолог из соцобеспечения, а она баба умная, хоть и стерва, поэтому не было оснований ей не верить.

— Чего? — растерянно спросил я. — Ты вообще кто?

— *Мудрость и здравый смысл,* — отозвался голос. — *Но ты, принц Рама, можешь обращаться ко мне как к Васиштхе.*

Я даже не успел повторить это зубодробительное имя, возразить, что меня зовут чуточку иначе и никакой я не принц, как она продолжила:

— *Всё здесь ненастоящее. Ничего этого нет.*

Тут, будто в подтверждение её слов, откуда-то сверху послышался отчаянный крик:

— Эй, дружище! Ты не видел моё золото?

— Да вы, мать вашу, сговорились, — страдальчески простонал я. И, разморённый солнцем, галлюцинациями и усталостью, с трудом разлепил глаза. — А?

Но, вопреки ожиданиям, увидел не вьетнамку, а странного мужика. С клочковатой бородой, весь в рванине, это был бродяга вроде меня, но такой, знаете, прожжённый, опустившийся на самое дно. От него несло как от выгребной ямы, руки по локоть были измазаны в грязи.

— Моё золото, — чуть не плача повторил он, шевеля пересохшими губами. — Не видел, нет?

Я отупело уставился вниз, повозил подошвами кед по асфальту, приподнимая сначала одну ногу, потом другую. Подумал, может, у него из кармана выпало кольцо или что-то такое — мало ли, вдруг он грабанул кого, хотя это не моё, в конце концов, дело.

И тут он сказал:

— Мешок, понимаешь? Мешок с золотом! Его нигде нет!

— Мешок? — эхом повторил я, обалдев от такого поворота событий. И ещё раз оглядел мужика с ног до головы. — Извини, конечно, но ты не очень похож на арабского шейха.

Вы бы, ребята, решили, что чувак слегка не в себе. Признаться, сперва я тоже подумал именно об этом. Но от него не пахло спиртным, и было непохоже, что он подкайфом. Не чета красавчику, который еженощно шатался туда-сюда, с трудом держась на ногах, размахивал руками и душераздирающе орал. Наверное, сражался

с космическими викингами. Что, не видели никаких викингов? Теперь вы знаете, кого благодарить за спасение мира.

Нет, наш дружок оказался поразительно трезв и не выглядел сумасшедшим. Из нас двоих психом можно было со всей справедливостью назвать только меня. Разве нормальный человек способен слышать голоса, а, ребятки? Вот то-то и оно.

— *Эй, Васиштха,* — осторожно спросил я, не трудясь раскрывать рта. Сметнув, что, раз уж мне предоставили бесплатную квалифицированную помощь мудрейшей, грех не воспользоваться её услугами. — *Кто это такой?*

Она засмеялась — так громко, что голову пронзило болью.

— *Этот человек приведёт тебя к истине.*

С трудом балансируя на границе между явью и сном, я не испытал ничего похожего на удивление. Думаю, если бы в тот миг мне сказали, что случился апокалипсис, я бы тоже отрешённо покивал и согласился: ладно, допустим.

— Только что был здесь! — продолжал распляться мужик, прижимая руки к груди. — Я на секунду отвернулся, а мешок пропал! Буквально растворился в воздухе, представляешь?

— Да уж, — другого ответа у меня не нашлось. В висках гулко застучала кровь, мне снова показалось, что я вот-вот отключусь.

Он обхватил себя руками, как девчонка, и задрожал. Жара стояла невыносимая, а мужика колотило, будто от озноба. Как бы там ни было,